

ФАКТОР ЕДЫ В БИОПОЛИТИКЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается роль фактора еды в либеральной биополитике с момента её зарождения и до наших дней. По мнению автора, последствия данной политики в сфере администрирования продовольствия носят амбивалентный характер. С одной стороны, есть реальные достижения в массовом производстве еды, доставки её до потребителя, осуществлении медицинского контроля над её качеством. С другой стороны, базовые принципы данной биополитики – сциентизм, формальный рационализм, прагматизм и меркантилизм – не позволили ей решить проблемы социального неравенства в сфере доступа к здоровой еде и ликвидации голода. Обретение в конце прошлого столетия либеральной биополитикой глобально-сетевого и неолиберального характера, соответствующий переход от национального к глобальному администрированию производства еды лишь усугубил риски и вызовы питанию современного человека. В ряде стран мира, включая Россию, возникли проблемы продовольственной безопасности. Принятые национальные программы решения данных проблем в условиях «мирового общества риска» (У. Бек) не будут полностью успешными без осознания и практической реализации принципа неделимости продовольственной безопасности для всех народов мира и становления глобальной продовольственной безопасности. Для этого необходимо, считает автор, отказаться от «ремонта» нынешней биополитики неолиберального толка, её прагматических и меркантильных подходов к питанию человека и перейти к гуманистической биополитике. Предлагается конкретная дорожная карта движения к ней, в частности, предполагающая дополнить усилия естественных и технических наук по производству продовольствия теоретическим инструментарием социальных и гуманитарных наук; замену устаревшего позитивистского, сциентистского постулата «знание – сила» на формулу этической, гуманистически ориентированной ответственности учёных: «интегральное знание всех наук – качественная еда во имя здоровья всех людей»; переосмысление природы формальной рациональности и её современных разновидностей, на практике ведущих к организованной социальной безответственности, чему могут противостоять разные типы ценностной рациональности.

Ключевые слова: биополитика, генно-модифицированные продукты, еда, не-еда, продукты-чужаки, национальная продовольственная безопасность, глобальная продовольственная безопасность, гуманистическая биополитика.

Сложившийся вектор социальной и культурной динамики еды выбрали сами люди в силу господства либеральной биополитики, абсолютизирующей ценности сциентизма, формального рационализма, прагматизма и меркантилизма, которые используются для осуществления «власти над телом» человека посредством администрирования питания и здоровья (М. Фуко). Именно ею были инициированы индустриализация, конвейерные технологии, научное управление, созданы производительные силы и медицинские практики, в принципе позволяющие обеспечить едой все население планеты. Однако в силу своих базовых вышеназванных ценностей, данная биополитика так и не сумела решить проблемы социального неравенства в сфере доступа к здоровой еде.

Не исчез *голод* как фактор, определяющий характер жизнедеятельности миллионов людей в мире. Дефицит *чистой питьевой воды* является повседневной реальностью во многих странах. Буквально в последние десятилетия возникли новые проблемы, в числе которых «*быстрое питание*» – макдональдизированные структуры, используя эйфорию бренда, создают атмосферу *симулятивного благополучия*, навязывают потребителям *продукты-чужаки* для человеческого организма, содержащие плохо усваиваемые жиры, много соли, сахара, вкусовых добавок, что способствует распространению эпидемии диабета и ожирения.

Параллельно навязывается «лечебная еда»: традиционную национальную пищу вытесняют диеты стройности и похудения. Примером «эффективности» ряда из них стала *анорексия* – рукотворный культурно обусловленный синдром «дисциплинирования» тела во имя красоты, приводящий к серьёзным патологиям. К этому следует добавить возникшее и углубляющееся неравенство в отношении доступа к *экологически чистой еде*. Отнюдь не случайно появились новые социальные движения, выступающие за «пищевую демократию» и «здоровую еду», против прагматизма и меркантилизма в производстве продуктов питания.

Амбивалентные последствия нынешней биополитики

Создатель теории биополитики М. Фуко считает, что с момента своего зарождения у биополитики были две основные цели, реализуемые, соответственно, посредством двух основных формы биополитической власти:

1) воздействие на тело индивида с помощью *дисциплинарной технологии* с целью достижения большего повиновения;

2) *контроль* над «социальным телом» всего населения. Во имя его «безопасности» предполагалось административное регулирование, включавшее контроль над рождаемостью и смертностью, статусами здоровья, организацией питания. «Тело – биополитическая реальность», – заявлял Фуко [17, с. 82].

Такое администрирование имело *амбивалентные последствия*. С одной стороны, возростала *эффективность* производства, транспортировки, приготовления и потребления еды; медицина усиливала «надзор» за потребляемыми продуктами, их качеством. Однако, с другой стороны, нарастали социальные конфликты вокруг проблем власти над телом, здоровьем, питанием человека, которые стали рельефно выраженными в 60-е гг. прошлого столетия. «Я полагаю, – пишет Фуко, – что начиная с XVIII и до начала XX вв. люди верили, что инвестирование тела властью должно быть тяжким, давящим, непрерывным и педантичным. Откуда и происходят все чудовищные дисциплинарные режимы...», но потом, начиная с 60-х гг., стали понимать, что столь обременительная власть не так уж необходима... Люди начинают вмешиваться в жизнь других, в их здоровье, питание, жилище... А потом из этой туманной деятельности возникают персонажи, учреждения, виды знания... разного рода надзиратели» [16, 170].

Представители административного надзора, опираясь на медицинское знание и проявляя заботу о «безопасности» жизни человека и здоровье его тела, по существу, навязывали людям «нормальное» питание и минимизировали то, которое считалось «нездоровым», «недостойным существованию». Эту обостряющую конфликтную ситуацию интерпретировал британский социолог З. Бауман с помощью *метафоры садовника* – эффект, обусловленный стремлением к постоянной рационализации и совершенству, руководствуясь научным знанием о более высоком качестве жизни, лучшем питании во имя здоровья и т.д., что оборачивается *ненамеренными рискогенными последствиями*: «Садовник лучше знает, какие сорта растений должны, а какие растения не должны расти на участке, о котором он заботится» [19, с. 99].

Во имя гармонии «сорняки» (определённые представления о жизни) оказываются «отходами», что латентно воспроизводит риски противостояния «врагов» и «друзей». В сфере питания это означает, что администратор, исходя из медицинской «нормы» и руководствуясь принципами прагматизма и меркантилизма, может отнести в разряд «друзей» формально считающиеся «нормальными» продукты-чужаки, содержащие генетически модифицированные организмы, или диеты стройности и красоты, несущие отложенные риски для здоровья.

Ярким примером тому является «*быстрое питание*» – детище современной биополитики, представленное макдональдизированными структурами. Модель функционирования компании «Макдональдс» была взята на вооружение такими сетями кафе-закусочных как «Бургер Кинг», «Пицца Хат», «Цыплята из Кентукки» и др. Сегодня структуры быстрого питания можно найти повсюду в мире, разумеется, в национальных локальных формах («Русское

бисто»), где подаются пироги, блины, салаты и прочее и можно за 5-10 минут перекусить.

Общий уровень рационализации питания и высокий медицинский контроль практически гарантируют «нормальность» быстрой еды, сводят к минимуму риски желудочно-кишечных инфекций или отравлений. При минимуме издержек – ограниченное меню, небольшой выбор, неудобные жёсткие сиденья, что заставляет посетителей быстро есть и уходить у макдональдизированной еды есть ряд впечатляющих функциональных преимуществ, отмеченных американским социологом Дж. Ритцером. В обществе, в котором люди постоянно перемещаются с места на место, как правило, на автомобиле, *эффективность* быстрой еды, подчас прямо не выходя из машины, не может не быть привлекательной [29, с. 12].

Вместе с тем, существенным элементом макдональдизации, считает американский исследователь, является *иррациональная рациональность*, которая проявляется в новой форме «отчуждения человеческого разума»:

- негативное влияние на окружающую среду;
- необходимость выращивания картофельных клубней одного размера, используемых для приготовления картофеля-фри, привела к широкому применению продуктов, модифицированных на генетическом уровне;
- упаковочные материалы плохо разлагаются в естественных условиях и тем самым тоже наносят вред экологии;
- сводится к минимуму человеческое общение, характерное для традиционной трапезы.

Словом, «рациональные системы неизбежно порождают иррациональности» [29, с. 16]. Иррациональность биополитики особенно относится к *латентным отложенным рискам* современного производства питания, проявляющимся в отношении и к природе, и к человеческому капиталу. Интересные размышления на этот счет есть у английского социолога Э. Гидденса, исследовавшего эффект отложенных во времени рисков, обусловленных прагматизмом и меркантилизмом, игнорированием норм этики и морали, назвав его «*парадоксом Гидденса*».

Суть его в том, что ускоряющаяся и усложняющаяся динамика общества существенно искажает восприятие людьми последствий своей нынешней деятельности даже в обозримой перспективе. Это, по его мнению, касается как повседневных, так и глобальных политических реалий. Ныне молодым людям, знающим, что алкоголь и курение «убивают», что перекусы гамбургерами и утоление голода палочками твикс вредят здоровью, трудно представить себя в возрасте сорока лет, когда начнут проявляться реальные опасности и болезни, угрожающие их здоровью и жизни. Аналогичный эффект уже на глобальном уровне проявляется у современных политических деятелей, хозяйствующих акторов в отношении природы, что оказывает влияние на климатические турбулентности: все прекрасно

осведомлены, что такую политику продолжать далее нельзя, однако не принимают должных усилий по её изменению [23, с. 2-3].

Современная биополитика существенно усложнилась, обретает новый *характер* – становится *глобально-сетевой и неолиберальной*. Однако это не изменило её базовые ценности и принципы функционирования: сциентизм, формальный рационализм, прагматизм и меркантилизм. Глобальный агробизнес, создавший сети по всему миру, диктует народам, какую «нормальную» еду производить, каким «здоровым» диетам следовать. С его функционированием связано новое явление, которое Дж. Ритцер обозначил как «*гроубализация*», под которым понимаются «империалистические амбиции наций, корпораций, организаций и т.п. в их желании, по существу, потребности навязать своё присутствие в различных географических регионах. Их главный интерес в стремлении к власти, влиянию, и в ряде случаев их доходы *растут* по всему миру» [27, с. 73].

Понятие-неологизм «гроубализация» состоит из двух слов: рост (*growth – groу*) и глобализация. При этом термин «рост» используется социологом в двух смыслах:

1) явный – гроубализация как результат влияния на глобальном уровне могущественных экономических, хозяйствующих и политических акторов, обеспечивающих «навязывание себя» локальному, в результате чего «локальное быстро исчезает. Всё больше и больше локальное подвергается воздействию глобальной; иными словами, оно трансформируется в глокальное... Гроубал и локал являются двумя сторонами глобального» [27, с. xiii];

2) латентный – *пролиферация ничто* – биологический термин, обозначающий разрастание новообразований, используемый социологом для интерпретации процесса резкого увеличения десоциализированных реалий в виде «пустых форм», которые могут быть четырёх типов: а) «не-мест» (супермаркеты); б) «не-вещей» (футболка); в) «не-людей» (телемаркетологи); г) «не-услуг» (услуги, предоставляемые по Интернету). В них, по существу, отсутствует характерный для локала «ценностно-культурный компонент» [27, с. 10].

Используя данную методологию, мы можем утверждать, что ныне среди не-вещей возникла «не-еда» – еда, лишённая конкретного культурного смысла, то есть созданная вне определённых национальных ценностей и норм, кулинарных традиций конкретного народа. К не-еде, в частности, относятся гамбургеры и чизбургеры, пицца, чипсы, сникерсы и практически вся пища, соответствующая быстрому питанию.

Риски пролиферации не-еды возрастают. Это связано с тем, что они – производные современной биополитики неолиберального толка. Дж. Ритцер отмечает, что после Второй мировой войны началась «зелёная революция», приведшая к тому, что традиционные сорта зерновых

■ Социология

были вытеснены гибридами пшеницы, кукурузы, риса. Эти процессы также «включали развитие и экспортирование американских паттернов потребления, в данном случае еды. Это привело к глобальной конвергенции диеты, которая включает: сужение базы главных зерновых культур; увеличение потребления животного протеина, пищевых масел, соли и сахара; сокращение в диете грубых пищевых продуктов. Такая диета способствовала, среди всего прочего, увеличению таких заболеваний, как диабет, и глобальной эпидемии ожирения» [28, с. 279–280].

Современная биополитика считает «нормой» использование генномодифицированных культур, что отнюдь не исключает возможные побочные эффекты для здоровья в виде отложенных во времени рисков. Российский исследователь Л.С. Ревенко отмечает, что члены Европарламента обеспокоены проблемами непредвиденных эффектов влияния генномодифицированных продуктов на окружающую среду, человека и животных, рисков от их взаимодействия с традиционными культурами. Дело в том, что в мировой практике накоплено значительное количество примеров непреднамеренного воздействия генетически модифицированных организмов на традиционные продукты [12, с. 4] – живые организмы, питающиеся трансгенными продуктами, могут мутировать.

Отношение европейцев к генномодифицированным продуктам далеко не однозначное. Уровень позитивного отношения к развитию биотехнологий в целом вырос с 2005 г. в Эстонии – до 77%, Швеции – 72%, Финляндии – 69%. Лидером среди стран с высокой долей населения, не приемлющего биотехнологии, является Австрия, где число оппонентов увеличилось за последние пять лет с 35 до 41% [12, с. 6].

Отношение россиян к генномодифицированным продуктам также противоречивое. По данным социологического исследования, несмотря на то, что 94,7% респондентов предпочитают покупать пищевую продукцию местных производителей, только 12,8% наряду с этим считают возможным (или предпочтительным) покупать продукты питания США, Канады, Аргентины, Бразилии и европейских стран. Только 1% считает ГМ-продукты безопасными, 6% не имеет определенного мнения по этому вопросу [14].

Альтернативные биополитики и практики

На международном уровне проявляются тенденции к сохранению и производству *традиционной еды*, имеющей ценностно-культурное содержание с корнями, уходящими в ту или иную национальную кухню. Отстаивание этой еды связано с появлением *альтернативных биополитик*. Так, ещё в 1960-е – 1970-е гг. прошлого века появилась *экологическая биополитика*. Её зарождение и развитие стимулировали исследования Римского клуба – международной организации, созданной с целью изучения глобальных

проблем современности, их последствий для судьбы человечества [15].

В новейшее время появились сторонники новых подходов к биополитике, помещающих проблематику сохранения биологической уникальности еды в центр своего предметного поля. При этом, данные направления в той или иной степени учитывают достижения этологии (научного направления, изучающее поведение живых существ), экологии, социобиологии, генетики, иммунологии, нейрофизиологии и других наук [21]. Отрадно отметить, что в числе новых социальных движений [18] появились международные неправительственные организации, занимающиеся проблематикой сельскохозяйственной технологии и биополитическими практиками. В частности, «Международная служба сопровождения агробiotехнических применений» ежегодно публикует доклады о масштабах распространения генно-модифицированных культур и продуктов питания. Вот лишь некоторые факты.

В период с 1996 по 2013 г. площади занятые биотехническими культурами, каждый год увеличивались, причём в течение 12 лет темпы роста составляли двузначное число, что отражает уверенность и доверие миллионов склонных к риску фермеров во всем мире, как в развивающихся, так и в развитых странах. Примечательно, что с 1996 г. совокупная площадь этих культур достигла беспрецедентной величины – более чем 1,5 млрд га, что на 50% больше, чем площадь Китая или США. В Южной Африке уже на протяжении более 10 лет продолжают выращивать биотехнические культуры. Семь стран (Камерун, Египет, Гана, Кения, Малави, Нигерия и Уганда) провели полевые испытания – предпоследний шаг до разрешения на коммерциализацию. «Отсутствие научно обоснованной, эффективной и экономичной системы регистрации продолжает оставаться основным препятствием на пути принятия новых технологий» [13].

Отнюдь не случайно в Австралии и других странах появились социальные движения, ратующие за «пищевую демократию», понимаемую как муниципальный контроль горожан за качеством поставляемой на рынок еды [21, с. 43]. Также получают распространение продовольственные системы, представляющими собой альтернативу глобально-сетевому агробизнесу – потребители приобретают еду непосредственно у производителей или на фермерских рынках.

На уровне ряда правительств вносятся коррективы в национальные биополитические практики, направляя их на производство «здорового питания». Так, Новая Зеландия приняла законы, снижающие налоги на производителей широкого спектра «здоровой еды», в числе которой свежие фрукты и овощи, молочные продукты, содержащие низкий процент жиров, постные сорта мяса [21, с. 71]. В России за изменение существующей биополитики выступают прежде всего учёные. В рамках IV Всероссийского со-

циологического конгресса состоялась 34 сессия «Актуальные проблемы экосоциологии и социальной экологии». За последние годы в стране появились монографические и даже учебные издания, посвящённые проблематике безопасности пищевой продукции [3]. Еда становится все более значимым фактором обеспечения национальной безопасности.

Продовольственный фактор в национальной безопасности России

Продовольственная безопасность – это не только собственно здоровое и вкусное питание человека, но и *здоровый образ жизни* нации в целом. На него всё более оказывают влияние генетически модифицированные организмы (ГМО) – живые организмы, которые обрели новые свойства путём внедрения чужеродных генов, что связывается с современной биотехнологией [2]. С одной стороны, она представляет наиболее быстрый путь увеличения производства продуктов питания, снижает объёмы применения химикатов. Уже более 20 генетически модифицированных культур выращиваются в промышленных масштабах. Среди них – соя, кукуруза, рапс, хлопчатник, томаты, картофель, рис, сахарная свекла, лён, турнепс, кабачки, дыни, пшеница и т.д..

Но, с другой стороны, данные культуры несут риски, связанные не только с качеством еды (в частности, с возможной *аллергенностью*, появлением токсичных для человека продуктов метаболизма). Дело в том, что при их культивировании имеет место негативное воздействие на почву, вытеснение природных организмов из их экологических ниш, что может привести к нарушениям экологического равновесия. При этом в России маркировка продуктов, содержащих ГМО, практически не осуществляется. Хотя, в соответствии с законодательством Российской Федерации (Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности») относит ГМ продукты к категории «новой пищи», подлежащей обязательной оценке на безопасность. Есть также Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2013 г. № 839 «О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы» [31].

Доктрина продовольственной безопасности России, принятая в 2010 г., гласит: «Продовольственная безопасность Российской Федерации является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в среднесрочной перспективе, фактором сохранения её государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета — повышение качества жизни российских граждан

путём гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения» [32].

Под продовольственной безопасностью государства, пишет Д.В. Зеркалов, следует понимать такое состояние экономики, при котором, независимо от конъюнктуры мировых рынков, гарантируется стабильное обеспечение населения продовольствием в количестве, соответствующем требованиям научно обоснованных медицинских норм.

Соответственно, важнейшими условиями достижения продовольственной безопасности являются:

- потенциальная физическая доступность продуктов питания для каждого человека;
- экономическая возможность приобретения продовольствия всеми социальными группами населения;
- потребление продуктов высокого качества в количестве, достаточном для рационального питания [5].

Это в технико-экономическом плане правильный, но недостаточный подход в контексте становления «мирового общества риска» [20]. Гуманистическая модернизация страны, за которую мы ратуем [6], призвана изменить соотношение между старыми и новыми рисками продовольственной безопасности страны, прежде всего, в сфере здорового питания и собственно здоровья человека. Как минимум, люди должны знать, употребляют они трансгенные продукты или нет [9].

Пожалуй, наиболее существенные перепады в профилях традиционных и новых рисков можно наблюдать в подходах к «нормальной» и «здоровой» еде, что обусловлено существенными изменениями медицинских воззрений на причины патологий [22]. Если ещё совсем недавно риск заболевания диабетом практически отсутствовал в бедных странах (изначально диабет трактовался как «болезнь богатства»), то ныне, как отмечает испанский социолог М.Л. Рей, риск заболеваний диабетом в развивающихся странах «драматически увеличивается» [30, р. 229]. Главная причина тому, однако, не в «богатстве» стола, а в умалении принципов безопасности еды. Дело в том, что из развитых стран в бедные поставляется еда низкого качества, в частности, содержащая много плохо усваиваемых жиров [21, р. 95-96].

Аналогично, если риски от инфекционных болезней были наибольшими, что во многом было обусловлено нарушениями хранения продуктов питания, а также использованием испорченной еды, то внедрение новых гигиенических стандартов радикальным образом снизило эти риски. При всём том, увеличиваются риски употребления продуктов, содержащих ГМО [1]. Словом, россиянам так или иначе придётся иметь дело с явными и латентными опасностями, производимыми глобально-сетевым агробизнесом, отстаивая при этом интересы производства национальной экологически чистой еды.

Вместе с тем, по нашему мнению, принцип *неделимости безопасности* для всех народов мира следует распространить не только на военно-политическую сферу, но и на *глобальную продовольственную безопасность*. Увеличивающийся в мире дефицит еды, а также чистой питьевой еды уже сегодня приводит к тяжёлым гуманитарным и социальным последствиям. Достаточно сказать, что продовольственный кризис 2008 г. привёл к массовым волнениям в 30 развивающихся странах и свержению правительств на Гаити и Мадагаскаре. Как видно, проблема становится всё актуальнее для человечества.

По своей природе новые опасности – это *нелинейные опасности*, некоторые из них – *рукотворные опасности*, вызванные *ненамеренными последствиями* научной и технологической деятельности человека. К ним, в частности, относятся: загрязнение почвы неорганическими удобрениями и ядохимикатами; использование антибиотиков, стимуляторов веса животных, что может негативно влиять на качество продукта, поставляемого потребителям, и даже может вредить здоровью человека; создание новых водоёмных производств, что, естественно, привело к резкому дефициту чистой питьевой воды. Нельзя также не принять во внимание фактор *амбивалентных проявлений* глобализации, которая не только объединила человечество в единое целое, но и столкнула друг с другом идейные и религиозные, а также продовольственные ценности. Отнюдь не случайно под эгидой ООН контролируется *биобезопасность* – проблематика, связанная с внедрением современных биотехнологий, согласно Картахенскому протоколу по биобезопасности к Конвенции по биоразнообразию ООН, подписанному в Найроби (Кения) в 2000 г.

По форме проявления *нелинейные опасности*, как правило, *диффузны* и *дисперсионны*, не имеют рельефно выраженных пространственных границ. Безопасность в продовольствии и особенно чистой питьевой воде, какого бы то ни было социума, не может быть гарантирована без *общей безопасности всех народов*. Поэтому России *должно быть дело* не только до продовольственной безопасности россиян, где бы они ни находились, но и до продовольственной безопасности *всех жителей планеты*.

Для подхода к решению современных проблем еды, включая продовольственную безопасность страны и мира, необходима принципиально новая *гуманистическая биополитика*. Разумеется, начать движение к ней можно и нужно только с учетом реалий *становящегося сложного социума*.

Десять тезисов о дорожной карте перехода к гуманистической биополитике

1. Необходимо «лечить» не отдельные явные и латентные проявления современной биополитики нелиберального толка, а осуществить

переход к принципиально иной, *гуманистической биополитике*, имея в виду стратегическую нацеленность на *гуманизацию социума* и природы. При том, что ООН декларировала право каждого человека Земли на достойную еду, и создан научно-технический потенциал, чтобы реализовать это право, этого не было сделано в силу социально-гуманистической ущербности принципов этой биополитики.

2. Жизненные стратегии гуманистической биополитики необходимо вырабатывать на основе *гуманистического поворота* [7], прежде всего, опираясь на *интегральный инструментарий социальных, естественных и гуманитарных наук*. Проблема не в том, что естественные и социальные науки дают недостаточное знание для производства еды. Оно даже в определённом смысле избыточно – значительная часть собираемого урожая направляется на технические нужды. Дальнейшее наращивание «сепаратного союза» естественных и социальных наук проблеме не решит в силу их прагматичной природы. Только подключение к этому союзу новейших достижений гуманитарных наук способно придать научной и технической деятельности человека собственно *гуманную направленность*.

3. Гуманистическая биополитика не предполагает механический возврат к прежним культурным формам еды, но, безусловно, в питание должны быть включены как традиции, так и достижений новейших технологий. Для такой биополитики значим не позитивистский, сциентистский постулат «знание – сила», а формула *этической, гуманистически ориентированной ответственности учёных*: «*интегральное знание всех наук – качественная еда во имя здоровья всех людей*».

4. Предлагаемая новая биополитика не отрицает необходимости администрирования питания вообще. Однако любой дисциплинарный контроль, любой диктат, какую еду производить и потреблять, основанный на сциентизме, формальном рационализме, прагматизме и меркантилизме должен уйти в историю, уступив место *этическому регулятору* в космополитизирующемся сообществе народов в виде движения к глобальному гражданскому обществу, неподконтрольному глобально-сетевому агробизнесу. Функциональность такого глобального гражданского общества может быть обеспечена путём нахождения *оптимального соотношения между акторами управления, функционирующими на глобальном уровне, и локальными акторами самоуправления*, принимающими конкретные решения по производству и потреблению здоровой и вкусной еды.

5. Внедрению сколь-либо существенных инновационных изменений в производстве еды должен предшествовать *тест на адаптивность* к уже существующим сложным системам. Добавление нового сложного звена к сложной системе рассматривать в контексте потенциальной возможности «нормальной аварии», под которыми

Ч. Перроу понимаются несчастные случаи и катастрофы, вызванные не грубыми просчетами человека, а его взаимодействием со сложными техническими и технологическими системами, периодически дающими «нормальные» сбои [25]. Суть их сложности, в частности, в том, что увеличиваются опасные зоны, в которых одновременно осуществляется промышленная добыча природных ископаемых и интенсифицируется производство еды, развиваются земледелие и рыбные хозяйства [26, р. VII]. Поэтому важно учесть, что даже, казалось бы, малозначимые действия по изменению производства еды в условиях сосуществования сложных технологий и сложного социума способны вызвать лавинообразные последствия, которые проявляются нелинейно во времени и пространстве.

6. Принять во внимание то, что *социум и природа, её ресурсы становятся единым целым, образуя суперсложную социоэкологическую систему*, предрасположенную к «нормальной аварии». Мы дошли до такого порога сложности и взаимозависимости, когда активности в социальном и научно-техническом мире сказываются на мире материальном и наоборот, порождают социо-природные турбулентности. Полагаем, негативные эффекты данных реалий можно минимизировать с помощью норм космополитической этики гуманистического толка, а также перехода к «царству человеческого разума» (В.И. Вернадский). Для адекватного функционирования человека в суперсложной социоэкологической системе нужны иная этика – гуманистическая (в противоположность этике меркантилизма), иной – собственно человеческий разум, интеллектуальный потенциал которого образует интегральный инструментарий социальных, естественных и гуманитарных наук (в противоположность прагматическому сциентизму).

7. Предстоит критически переосмыслить природу известных типов рациональности, включая макдональдизацию, их предрасположенность к производству иррациональных для человека последствий, что олицетворяет современную организованную безответственность, в частности, в виде экстенсивного производства генетически модифицированных продуктов,

перехода к доминированию быстрого питания. Этим разновидностям формальной рациональности могут противостоять разные типы ценностной рациональности: идеология гуманизма, этика здорового питания экологически чистыми продуктами, которые произведены в «экологически дружественной среде».

8. Гуманистическая биополитика исходит из того, что объективно создано на планете, *реалий суперсложной социоэкологической системы и мирового общества риска*. Только с учётом этих реалий можно понять современные риски еды: они «делокализированы» (причины глобальных рисков еды и последствия не ограничены одним локальным географическим пространством); «неисчислимы» (ибо включают «гипотетические» риски, основанные на научно обобщенных гипотезах, например, о последствиях использования генетически измененных продуктов); «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека», вызванные генетическим воздействием) [20, р. 52]. По крайней мере, эти риски можно минимизировать.

9. Необходимо поддерживать новые социальные движения, неподконтрольные глобально-сетевому агробизнесу, которые выступают за «пищевую демократию», контроль горожан за качеством поставляемой на рынок продуктов питания. Также следует всемерно развивать национально-государственные биополитические практики, направленные на производство «здорового питания» в качестве альтернативы генетически измененной еды.

10. Гуманистическая биополитика исходит из принципа *неделимости продовольственной безопасности для всех народов мира*, важности знания людьми того, употребляют они еду, содержащую генетически модифицированные организмы, или нет. Попытки создания собственной продовольственной безопасности за счёт других, распространение одностороннего знания о «нормальности» трансгенных продуктов представляют собой отложенные во времени риски локальных продовольственных кризисов с тенденцией их глобализации и увеличением неконтролируемой миграции.

Список литературы

1. Агеева Н.А. Проблема невежества в биоэтическом аспекте медицинской деятельности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 1. С. 28–31.
2. Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика / под ред. А. П. Ермишина. Мн.: тэхналогія, 2005. 430 с.
3. Донченко Л.В., Надыкта В.Д. Безопасность пищевой продукции: Учебник. 2-изд. М.: Делли принт, 2007. 352 с.
4. Ермакова И.В. Генетически модифицированные организмы (ГМО): борьба миров. М.: Белые альвы, 2010. 48 с.
5. Зеркалов Д.В. Продовольственная безопасность. Киев: Основа, 2012. 449 с.
6. Кравченко С.А. Гуманистически ориентированная модернизация: востребованность преобразований адекватных чаяниям россиян // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 12. М.: Новый хронограф, 2013. С. 21–41.

■ Социология

---

7. Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. 305 с.
8. Кудряшова А.А. Экологическая, продовольственная и медицинская безопасность человечества (способы и средства оздоровления человечества, продовольственных ресурсов и среды обитания). М.: Пищепромиздат, 2009. 472 с.
9. Лебедев В. Г. Продовольственная безопасность и трансгенные продукты // Россия в окружающем мире. 2004. № 5. С. 128–150.
10. Лейбин В. М. Римский клуб. М.: Политиздат, 1980. 397 с.
11. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
12. Ревенко Л.С. Регулирование производства и оборота ГМО в Европейском союзе: современные тенденции // Российский внешнеэкономический вестник, 2011. № 4. С. 3–9.
13. Международная служба по мониторингу за применением агробιοтехнологий. Режим доступа: <http://www.isaaa.org>, дата обращения: 4 января 2014 г.
14. Смагин С.Л., Иванцева Т.Г., Литвинец С.Г., Старикова М.М. Общественное восприятие генно-модифицированной продукции // Социс, 2011. № 8. С. 142–144.
15. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М.: Прогресс, 1980. 416 с.
16. Фуко М. Власть и тело // М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
17. Фуко М. Рождение социальной медицины // М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. 380 с.
18. Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. 356 с.
19. Bauman, Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009. 128 p.
20. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.
21. Coveney J. Food. London and New York: Routledge, 2014. 108 p.
22. Health, Risk and Vulnerability. Ed. by A. Petersen and I. Wilkinson. London, N.-Y.: Routledge, 2008. 165 p.
23. Giddens A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009. 264 p.
24. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Beyond the Limits. Chelsea Green: Post Mills, 1992. 320 p.
25. Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1999. 441 p.
26. Perrow, Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011. 377 p.
27. Ritzer G. The Globalization of Nothing. A Pine Forge Press Publication, 2004. 259 p.
28. Ritzer G. The Globalization: the Essentials. Wkilly-Blackwell, 2011. 356 p.
29. Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Thousand Oaks, L., New Delhi: Pine Forge Press, 2000. 278 p.
30. The 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society, Glasgow, 3rd – 6th, September, 2007. Abstract Book. 552 p.
31. Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2013 г. № 839 “О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы” (не вступило в силу) // Правовой портал ГАРАНТ.РУ. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70357814/>, дата обращения: 4 января 2014 г.
32. Утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. 01.02.2010. Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/6752>, дата обращения: 4 января 2014 г.

Об авторе

Кравченко Сергей Александрович – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.
E-mail: sociol7@yandex.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-03-00710

THE FACTOR OF FOOD IN BIOPOLITICS AND NATIONAL SECURITY

S.A. Kravchenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

---

Abstract: *The paper examines the role of food factor in the liberal biopolitics from its birth to the present day. According to the author, the consequences of this policy of food administration are ambivalent in character. On the one hand, there are real gains in mass production of food, its delivery to the consumer, medical supervision of the implementation of its quality. However, on the other hand, the basic principles of this biopolitics – scientism, formal rationalism, pragmatism and commercialism have not allowed to solve the problems of social inequality in the access to healthy food and of illuminating the hunger. In the end of the last century the liberal biopolitics acquired globo-networked and neo-liberal character but the corresponding transition from the national to the global scale administration of food production only intensified risks and challenges of modern human nutrition. In a number of countries including Russia there appeared the problems of food security. The adopted national programs to address these challenges in a “world risk society” (U. Beck) will not solve them without fully understanding and practical implementation of the principle of the indivisibility of food security for all peoples of the world and implementation of the global food security. To achieve this, the author believes, it is necessary to abandon the “repair” of the current neo-liberal wing of biopolitics and its pragmatic and mercantilist approaches to human nutrition and pass over to a humanistic biopolitics. There offered a concrete roadmap motion to it, in particular, intending to strengthen the natural sciences and engineering for the production of food with the theoretical instruments of social sciences and humanities; to replace the outdated positivistic, scientific postulate «knowledge – power” with the formula of ethical, humanistically oriented responsibility of scientists: “the integral knowledge of all sciences - quality food for the health of all people”; to rediscover the nature of formal rationality and its modern variations that in practice lead to the organized social irresponsibility that can be substituted by different types of value rationality, the ideology of humanism, ethics of eating healthy organic food produced in “ecologically friendly environment”.*

Key words: biopolitics, genetically modified foods, food, non-food, alien foods, national food security, global food security, humanistic biopolitics.

References

1. Ageeva N.A. 2014. Problema nevezhestva v biojeticheskom aspekte medicinskoj dejatel'nosti [The problem of ignorance in bioethical aspects of medical practice]. Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki, no. 1, pp. 28–31. (In Russian)
2. Biotehnologija. Biobezopasnost'. Biojetika [Biotechnologies. Biosecurity. Bioethics]. 2005. Ed. by A. P. Ermishin. Minsk, Tjehnologija Publ. 430 p. (In Russian)
3. Donchenko L.V., Nadykta V.D. 2007. Bezopasnost' pishhevoj produkcii: Uchebnik [Food Safety: Tutorial]. 2d ed. Moscow, DeLi print Publ., 352 p. (In Russian)
4. Ermakova I.V. 2010. Geneticheski modifirovannye organizmy (GMO): bor'ba mirov [Genetically modified organisms (GMOs): war of the worlds.]. Moscow, Belye al'vy Publ. 48 p. (In Russian)
5. Zerkalov D.V. 2012. Prodovol'stvennaja bezopasnost'. [Food safety]. Kiev, Osnova Publ. 449 p. (In Russian)
6. Kravchenko S.A. 2013. Gumanisticheski orientirovannaja modernizacija: vstrebovannost' preobrazovanij adekvatnyh chajanijam rossijan [Humanistically oriented modernization: relevance transformations adequate aspirations Russians] // Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik. Vol. 12. Moscow, Novyj hronograf Publ, pp. 21–41. (In Russian)
7. Kravchenko S.A. 2012. Stanovlenie slozhnogo sociuma: k obosnovaniju gumanisticheskoj teorii slozhnosti. [Formation of a complex society: to the justification of humanistic theory of complexity]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. 305 p. (In Russian)
8. Kudrjashova A.A. 2009. Jekologicheskaja, prodovol'stvennaja i medicinskaja bezopasnost' chelovechestva (sposoby i sredstva ozdorovlenija chelovechestva, prodovol'stvennyh resursov i sredy obitanija) [Environment, food and health security of mankind (the ways and means of improvement of mankind, food resources and habitats)]. Moscow, Pishhepromizdat Publ. 472 p. (In Russian)
9. Lebedev V.G. 2004. Prodovol'stvennaja bezopasnost' i transgennye produkty [Food security and transgenic products]. Rossija v okruzhajushhem mire, no. 5, pp.128–150. (In Russian)
10. Lejbin V.M. 1980. Rimskij klub [The Club of Rome]. Moscow, Politizdat Publ. 397 p. (In Russian)
11. A. Peccei. 1977. The Human Quality. Oxford; New York: Pergamon Press Publ. 214 p. (Russ. ed. Pechchei A. 1985. Chelovecheskie kachestva. Moscow, Progress Publ. 312 p.)
12. Revenko L.S. 2011. Regulirovanie proizvodstva i oborota GMO v Evropejskom sojuze: sovremennye tendencii [Regulation of production and turnover of GMOs in the European Union: Current Trends]. Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik, no. 4, pp. 3–9. (In Russian)

■ СОЦИОЛОГИЯ

---

13. International Service for the Acquisition of Agri-biotech Applications Website. Available at: <http://www.isaaa.org> (accessed 5 February 2014).
14. Smagin, S.L., Ivanceva, T.G., Litvinec, S.G., Starikova M.M. 2011. Obshhestvennoe vospriyatие genno-modificirovannoj produkcii [Public perception of genetically modified products]. *Socis*, no. 8, pp.142–144. (In Russian)
15. Jan Tinbergen. Reshaping the International Order. New York, 1976. 160 p. (Russ. ed. Tinbergen Ja. Peresmotr mezhdunarodnogo porjadka. Moscow, Progress Publ. 1980. 316 p.)
16. Fuko M. Vlast' i telo [Power and Body]. In *Intellectually i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju* [Intellectuals and Power: Selected Political articles, speeches and interviews]. Moscow, Praksis Publ., 2002. 384 p. (In Russian)
17. Fuko M. Rozhdenie social'noj mediciny [Birth of Social Medicine]. In *Intellectually i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju* [Intellectuals and Power: Selected Political articles, speeches and interviews]. Moscow, Praksis Publ, 2006. 380 p. (In Russian)
18. Janickij O.N. 2013. Social'nye dvizhenija: teorija, praktika, perspektiva [Social movements: theory, practice, perspective]. Moscow, Novyj hronograf Publ., 356 p.
19. Bauman, Z. 2009. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge, Polity Press Publ., 128 p.
20. Beck, U. 2010. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press Publ. 269 p.
21. Coveney, J. 2014. *Food*. London and New York, Routledge Publ. 108 p.
22. *Health, Risk and Vulnerability*. 2008. Ed. by A. Petersen and I. Wilkinson. London, N.-Y., Routledge Publ. 165 p.
23. Giddens, A. 2009. *The Politics of Climate Change*. Cambridge, Polity Press Publ. 264 p.
24. Meadows, D.H., Meadows, D.L., Randers, J. 1992. *Beyond the Limits*. Chelsea Green, Post Mills Publ. 320 p.
25. Perrow, Ch. 1999. *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. 320 p.
26. Perrow, Ch. 2011. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press Publ., 441 p.
27. Ritzer, G. 2004. *The Globalization of Nothing*. A Pine Forge Press Publ. 256 p.
28. Ritzer, G. 2011. *The Globalization: the Essentials*. Wkilly-Blackwell. 356 p.
29. Ritzer, G. 2000. *The Mcdonaldization of Society*. Thousand Oaks, London, New Delhi, Pine Forge Press Publ. 278 p.
30. The 8th Conference of the European Sociological Association. *Conflict, Citizenship and Civil Society*, Glasgow, 3rd – 6th, September, 2007. Abstract Book. 552 p.
31. RF Government Decree "On state registration of genetically modified organisms intended for release into the environment, as well as products obtained with the use of such organisms or containing such organisms" of September 23, 2013, no. 839 (not yet in force). Legal Informational Portal. Garant.ru. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70357814/> (accessed 5 February 2014). (In Russian)
32. Food Security Doctrine of the Russian Federation approved. 01.02.2010. Official website of the President of the Russian Federation. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/6752> accessed 5 February 2014). (In Russian)

About the author

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Head of Sociological Department, MGIMO-University.
E-mail: sociol7@yandex.ru.